

Голубой туман / рассказ

Category: Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Голубой туман / рассказ ГОЛУБОЙ ТУМАН

1.

– Всем спасибо. До завтра.

Ещё несколько минут – необязательные прощания, похлопывания по плечу, и наконец он один. В зеркале репетиционного зала отражается высокий, подтянутый мужчина, которому давно уже за... Впрочем, это неважно.

От юношеской миловидности остался точёный римский профиль, густую шевелюру сменил благообразный седой венчик вокруг лысины, тонкие губы стали суше и твёрже, но, как ни странно, возраст лишь придал нашему герою благородную внешность, не изменив сути мальчишки. Он и сейчас по-мальчишески оттопырил нижнюю губу, нахмурился, с грохотом почти швырнул от центра зала к зеркалу массивный дубовый стул, служивший реквизитом, уселся на него верхом, опустив подбородок на высокую спинку...

«Может, напрасно он всё это затеял? Тот закат на озере, предваривший их первую ночь, до сих пор стоит перед глазами. Голубовато-серый цвет неба разбавляло белое сияние садившегося солнца. Спускаясь к водной глади, голубой переходил в нежно-розовый и зеркально отражался в воде розовой полосой на горизонте, а ближе к берегу – вздрагивал светящейся серебристой лакуной, в которой грациозно двигалось семейство лебедей... Так же трепетен и грациозен был силуэт девушки, протянувшей руки к нему... Оттенки цвета не передать движением, но чувства... Он пытался. Увы, молодые исполнители с трудом понимали его объяснения. И так не хватало зелёных глаз балерины с душой, растворённой в танце... Она умела понимать без слов. Что скрывать, были и другие женщины. Но память о той, первой, терзала ночами. Из ночных мыслей родился замысел балета. «Па-де-катр», и четыре исполнителя: Он, Она, Судьба, Время».

2.

Люся раздражённо захлопнула входную дверь, вызвала лифт.

Куда? Всё равно. Нет сил терпеть...

Больше трёх недель нестерпимая жара плавит, словно масло, город, а с ним мысли и тела жителей. Синоптики уверяют: подобная жара не случалась семьдесят лет... Что стоило подождать ещё тридцать?

Возле касс автовокзала суетились забронзовевшие на июньском солнце дачники-пенсионеры, с тележками, корзинами и домашними животными. Выглядывавших из лукошек и переносных домиков кошек, маленьких и больших собак на поводках, в намордниках и без, было столько, что казалось: именно они главные организаторы бегства из города на волю.

– Пожалуйста, один билет на край света, – мысль, нечаянно высказанная вслух, окрасила щёки лёгким румянцем. Люся попыталась исправить. – Я имела в виду...

– Да-да, – кивнула кассир, – поторопитесь: вам на третью платформу.

Как ни странно, людей в автобусе было немного, несмотря на то, что проход загромождали привязанные сумки-тележки и большая белая собака, разлёгшаяся поперёк салона. Хозяйка время от времени командовала: «Сидеть», в ответ собака лишь поднимала голову, негромко тьякала и устраивалась поудобнее.

– Ничего, – махнула рукой Люся, – пусть лежит.

Села на свободное место у окна, отметила несколько заинтересованных взглядов, сдвинула ниже на лоб широкополую шляпу-панаму и прикрыла глаза солнечными очками. Она привыкла, что её узнают. Вернее, людям кажется, что узнают. Восточный разрез глаз, тёмные брови вразлёт, высокие скулы, овал лица делали её во всём, кроме цвета глаз, похожей на Одри Хепберн. В молодости она обижалась, что знакомые и незнакомые люди находили в её внешнем облике сходство с голливудской звездой, не обращая внимания на артистическое дарование. Ёрничая, стала называть себя «Люсей», находя странное очарование в несовпадении имени со старинной шляхетской фамилией Блажевич. Рано выйдя замуж, присоединила к своей фамилию мужа, и на

сцене блистала как прима-балерина Люся Блажевич-Дзямидович. Теперь это вызывало лишь улыбку: балетный век короток, немногие нынешние балетоманы помнят такую балерину.

Не понять, то ли в самом автобусе, то ли за его немытыми стёклами, но показалось Люсе, что время остановилось. Сколько она ни смотрела в окно, перед глазами маячило одно и то же: слева гнулись и серебрились под ветром волны ячменя (сказать по правде, Люся не была сильна в зерновых культурах, и это могло быть что угодно), справа по скошенному полю степенно вышагивали длинноногие аисты.

Едва свернули с бетонки на пыльную просёлочную дорогу, как день померк, разбушевавшийся ветер пригнул ячмень к земле, аисты исчезли и, словно повинувшись палочке невидимого дирижёра, по автобусу, по пересохшей, растрескавшейся от жажды земле, забарабанил дождь. Тот самый, давно ожидаемый... В автобусе запахло свежестью, пассажиры радостно переглянулись, даже собака наконец поднялась, положила морду хозяйке на колени и удовлетворённо несколько раз гавкнула.

В деревушку, конечный пункт маршрута, приехали затемно. Водитель, поспешно развернувшись, заторопился в обратный путь. Вышедшая вслед за Люсей женщина с собакой понимающе усмехнулась:

– Не любят к нам по ночам ездить, побаиваются. В полнолуние особенно.

Освещаемая луной и единственным фонарём деревня спала. Была она невелика: несколько прижавшихся друг к другу домиков с покосившимися заборами, заросшие ромашкой обочины просёлочной дороги, а дальше – густая темень леса, слившаяся с небом.

– Людмила Генриховна, вы ведь не местная? Может, у меня переночуете?

Люся удивлённо глянула на попутчицу. Невысокая полная женщина, опирающаяся на трость, чуть заметно улыбнулась:

– Знаю, не верится. Но когда-то училась в хореографическом училище, восхищалась вами, помню наизусть все спектакли, в которых вы участвовали...

– А сейчас? – Люся осторожно показала глазами на трость.

– Нет, это следствие увлечения мотоциклом... Я в молодости

взрывная была. А балет... Однажды поняла, что никогда не полечу над сценой так, как вы, и оставила училище. Ну, что же мы стоим, пойдёмте.

Подтянула сумки на колёсиках, один пакет сунула в зубы собаке:

– Работай, бездельник.

– Я помогу, – вскинулась Люся, протянув руку.

– Ни в коем случае. Вы – гость.

И, словно извиняясь, добавила:

– Автолавка к нам не заезжает.

Вопреки ожиданию, гостиная в деревенском доме была оформлена в стиле минимализма. Светло-серые шторы, такой же ковёр с длинным ворсом, у окна – круглый стеклянный столик, два кресла. И вдруг – словно из другой жизни, двухстворчатый дубовый шкаф. Верх и низ расписаны огромными, яркими цветами, на створках – виноградные листья с капельками дождя, гроздья винограда, прозрачные на солнце. И два попугая, на одной створке голубой, на другой розовый, склонив головы, смотрят друг на друга.

– Людмила Генриховна, садитесь.

Хозяйка кивнула на кресло у окна, и, видя, что гостья не может оторвать взгляд от диковинного шкафа, пояснила:

– У тётушки моей стоял, через два дома отсюда. Но её уже нет, да и дома практически нет. А расписывал шкаф дядька Язеп. Я тоже, как свободная минута, начну рассматривать детали и не налюбуюсь... Однако, Людмила Генриховна, давайте вечерять.

– Пожалуйста, называйте меня Люсей.

– Хорошо, постараюсь, – хозяйка немного смутилась. – А я – Юзефа. По-нашему, по-деревенски, тётка Юзя...

– Не очень вы похожи на деревенскую жительницу, – усмехнулась Люся. – Мелочь, а как изысканно стол сервировали.

Юзефа пожала плечами:

– Если красота дарит радость – какая разница, деревенская она или городская...

3.

Ночью опять гремел гром. В Люсином сне он сливался с

выстрелами мортир, близкими то ли разрывами снарядов, то ли залпами фейерверков.

Канонада завершилась яркой вспышкой. Сотни светильников осветили пирующих. Сидящие за столами не только гордость шляхетскую, пояса распустили, суконные да бархатные кунтуши с плеч сбросили, но кое-кто и жупан скинул, оставшись в нижней рубашке. Пенились хмельные напитки в постоянно наполняемых кубках, гремели барабаны, тянули свою мелодию трубы, тут и там слышалось, как хвалятся ратными подвигами те, кто ещё были способны связывать слова в витиеватых тостах... Перекрывая гвалт, раздался не то бас, не то рык хозяина:

– А теперь, шановные паны, восьмое чудо света.

Откуда-то появился обнажённый до пояса юноша. На голове чалма, украшенная павлиньим пером и зелёным самоцветом, мерцающим в отблесках свечей. Даже во сне Люся улыбнулась: так похож новый персонаж на доблестного воина Солора из «Баядерки», и вообще, на всех балетных премьеров сразу. На вытянутых вперёд ладонях юноши сидели розовый и голубой попугаи. А чёрные, восточные глаза не отрывались от симпатичной паненки рядом с хозяином. Зардевшись, она опустила взгляд...

4.

Аромат кофе кружил голову. Комнату заливало солнце. За окном – собачий лай, а рядом добрый голос:

– У какого-то историка прочитала: наши предки вставали рано и обязательно начинали день с кофе со сливками. Поддержите традицию, Люся? Как спалось на новом месте?

– С удовольствием поддержу. А спалось... Хорошо. Только сон странный какой-то. Я редко сны вижу.

Юзефа понимающе кивнула:

– Не хотела пугать. Но есть у нас поверье: якобы в полнолуние, да после грозы снится людям то, от чего они отказались. Байка, конечно, мало ли что старики придумают...

Завтракали блинами с мёдом, вареньем, домашним творогом.

– Когда напечь успели, Юзефа?

Хозяйка улыбнулась:

– Мы с Малышом всё вдвоём да вдвоём, а хочется о ком-то заботиться.

– Ничего себе малыш...

Собака потыкалась носом в колени гостыи, ожидая гостинец, и грустно улеглась чуть в отдалении, услышав строгое: «Нельзя». На морде написано: «Если что, я тут, не забудьте».

– Когда-то был крохотным белым пушком, а выросло вот такое лохматое недоразумение и попрошайка.

Юзефа говорила сердито, а глаза смеялись. Глаза были серо-зелёные, добрые. Да и весь её облик: круглое лицо, русые волосы, собранные в пучок на затылке, длинное зелёное платье в мелкий узор с белым ремешком и отложным воротником, открывающее полные загорелые руки, дышал добротой.

5.

Такие же добрые глаза были у той женщины... Люсе вдруг вспомнился сон.

Пригожая белокурая паненка, на которую обратил внимание индийский факир, не подозревала, что пиршество закончится в приходском костёле поспешным безрадостным венчанием с хозяином замка. Отец, мелкий шляхтич, почёл за честь не отказать магнату в его прихоти. А что не спросил ни у жены, ни у дочери... пусть в ноги кланяются: такое счастье не всем выпадает...

Вспомнить, действительно ли ей приснилась служба в костёле или она её придумала, Люся не могла. Зато встреча у дверей скарбницы заплаканной паненки, которую прислуга вела в спальню магната, и парнишки факира даже утром помнились ярко, словно кадр из фильма.

Колеблющийся огонёк свечи в руках прислужницы выхватывал то белую кожу девушки, то сосредоточенные глаза факира, то румянец, покрывший щеки новоявленной супруги магната, то склонившихся друг к другу, щебечущих попугаев в клетке.

– Пойдёшь со мной? На край света?

В глазах прислуги понимание, сочувствие. Но паненка лишь горько повела плечами, не промолвив ни слова.

– Возьми, он приносит счастье.

Сжав в кулачке сорванный с чалмы переливающийся зелёный камень, девушка с тоской следила как удаляется, исчезает в темноте силуэт того, кто, быть может...

6.

– Люся! Задумались? Я говорю, а вы словно не слышите.

– Действительно, задумалась, простите, Юзефа.

– Я – на кладбище, сегодня день рождения тёти. А вы либо отдыхайте, либо, если хотите, проведу по деревне, покажу. Смотреть, правда, особенно не на что, но всё же...

Деревенька действительно была мала и заброшена. Кроме дома Юзефы, только один домик покрашен светлой краской, а вдоль штакетника высились разноцветные мальвы. Юзефа усмехнулась:

– В старину так прихорашивали дома, где жили девицы «на выданье»...

Остальные домишки обветшали, краска облезла, возле покосившихся изгородей – трава по пояс. Лишь грядки картофеля за домами, а иной раз и в палисадниках напоминали: обитатели живы и не теряют надежду...

Но зато, когда миновали деревянный поклонный крест на околице, с взгорья открылся такой простор, что перехватило дыхание. А дальше – вниз, по заросшей тропинке мимо высоченных старых лип, мимо поросшего осокой, затянутого тиной пруда.

– Было время, когда на этот пруд прилетали лебеди, – кивнула Юзефа.

В босоножках на каблуках Люся с трудом поспевала за опирающейся на палочку Юзефой, но молчала, опасаясь растерять мгновения, когда окружающее до спазма в груди кажется родным.

– Вот и пришли.

Кладбище более обжито и ухоженно, чем деревня. Цветы, прибранные могилки, позолоченным куполом сияет небольшая часовенка ...

Юзефа поставила букет флоксов в металлическую вазу у надгробия, провела ладонью, словно погладила, по фотографии молодой женщины с широко распахнутыми глазами, в свободном платье с большим кружевным воротником.

– Здравствуй, родная.

«Каролина Сташук, 1927-1999», – читает Люся.

Почти впритык к этой могиле ещё одна, на табличке надпись: «Язеп Заброшенный», а на могильном камне выбиты силуэты двух попугаев. Юзефа положила на надгробие пачку папирос, негромко пояснила:

– Тётя просила поставить эту фотографию и похоронить рядом с Язепом. А ему надгробие она сама заказывала.

Тяжело опустилась на скамейку, взглядом пригласила Люсю сесть рядом.

– Он так себя называл. Мне кажется, тётя Каролина даже не знала, настоящая это фамилия или псевдоним.

Чуть помолчав, продолжила:

– Простите, Люся, может, это всё не интересно, но почему-то именно вам хочется рассказать. Бабушку родители силой замуж выдали. История для наших мест обычная: невеста всем хороша, да за душой ни гроша, а позвал человек обеспеченный... Что гулёна и пьяница – до того дела не было. Один за другим дети пошли. Между тётей Каролиной, старшей, и моей мамой – двадцать три года разницы... Сохранилась послевоенная семейная фотография: бабушка, дед, дети. Все коренастые, крепкие... А старшая дочка – словно чужая в родной семье: длинные руки с тонкими пальцами, длинные ноги, огромные глаза и взгляд раненого оленёнка. Взгляд у неё всю жизнь такой был, сами видите, – Юзефа вздыхает и долго смотрит на памятник.

– Я часто просила тётю рассказать про Язепу... Она отмахивалась, не хотела, а когда всё-таки сдавалась под моим напором, чувствовалось... Не знаю, как правильно сказать. Неизжитое, то, что продолжало саднить как незажившая рана. Подростки, особенно девчонки, любят придумывать чужую любовь и примерять на себя. Я не была исключением... Тётя Каролина хранила его автопортрет, набросок карандашом на клочке бумаги... А я тогда начиталась мифов Древней Греции и думала: вот таким был бы состарившийся Аполлон... Длинный прямой нос, резко очерченные скулы, впалые щёки, тонкие сжатые губы, седая борода и проседь в нестриженных, падающих на глаза волосах.

Люсе казалось: в рассказе Юзефы тоже чувствуется неизжитое, но

она молчала, боясь порвать тоненькую ниточку доверия, возникшую между ними.

– Он наш был, оттуда, – Юзефа махнула рукой в сторону леса и усмехнулась. – Из безземельной шляхты. Про таких в народе говорили: коли собака из конуры выйдет, сядет – хвост на меже с соседом окажется. Сейчас-то деревни нет, лишь одичавшие яблони на том месте да крест полусгнивший... Тётя рассказывала: очень дядьке Язепу нравилась легенда, что был в их роду индийский раджа, взявший в жёны шляхетскую паненку. Привёз, дескать, с востока двух попугаев и книгу судеб, а потому всё о будущем знал. И знание это в потомках заложено, в тех, кто прочитать книгу сможет. Хотя Язеп без книги всё про себя знал, говорил: «Пройдёт время, меня искать будут». И ведь не ошибся. Действительно, ищут...

Рядом с надгробиями на тонких ножках, помахивая длинным чёрным хвостом, отважно шагала маленькая птичка. Туловище – разных оттенков серого, тёмная грудка, чёрная шапочка... Сидящие женщины одновременно улыбнулись:

– Трясогузка.

– Она часто прилетает, когда прихожу. Мне кажется, это радуется душа тёти Каролины.

Юзефа, не отрывая глаз от птички, продолжила:

– Язеп закончил Виленскую школу рисования, мог бы найти службу, прожить спокойную жизнь, но вместо этого, вечный бродяга, скитался по деревням, – тихо засмеялась. – Если верить рассказам тёти, скитался исключительно в белом костюме, с самодельной деревянной тростью. Трости, кстати, он и правда, замечательные мастерил. А ещё собирал этнографические материалы, зарисовывал местных жителей, дома, предметы быта и... рисовал космос. Говорил, что космос ему снится... Правда, космические пейзажи почему-то красками напоминали наши закаты, а у инопланетян были глаза как у тёти Каролины. Это сейчас, когда я отдала картины в музей, все заохали, а тогда... Ни кола, ни двора, и картины в нашем сарае... Даже любимая женщина не смогла удержать...

С трудом наклонившись, Юзефа нашла в траве веточку с мелкими сиреневыми цветочками, сорвала, протянула Люсе:

– Чабрец. Вроде невзрачные цветочки, а как пахнут...

– Да, – согласилась спутница и, понюхав, положила веточку на могильный камень. – Ни один парфюмерный аромат с природой не сравнится, это – настоящее... Иногда кажется, именно так должно пахнуть счастье: солнцем и полевыми цветами.

– Надо возвращаться, скоро жара припечёт, – поднялась Юзефа.

И уже за кладбищенской оградой продолжила:

– Банальность скажу, но счастье – понятие расплывчатое, не каждый поймёт, – вздохнула. – Конечно, всё было не так красиво. Любой художник нуждается в признании, а когда его нет... Мама рассказывала: под конец жизни дядька Язеп пил всё больше и больше. Тётя пыталась удерживать, да где там... Самолюбивый: уходил, возвращался, опять уходил... Не покупают картины, он стал расписывать мебель, рисовать «диваны» – расписные ковры на стену. Плату брал едой, самогонкой. Умер, как хотел, на лесной опушке... Мама с девчонками за ягодами пошли и наткнулись. Он уже не дышал...

По тропинке вдоль пруда они шли молча. Люся думала о том, как может ранить чужая жизнь, совсем непохожая на твою, в которой всё просто и ясно. И о том, что такое талант...

Задумавшись, она не слышала, что Юзефа продолжала рассказ. Только краем уха поймала конец фразы:

– ...тётя Каролина ответила: «За талант»...

«Надо же, и Юзефа о том же»... Вдруг подумала: «Талант – это сопричастность художника тому, что делает. Неважно, пишет картины или романы, ставит балеты, танцует... Без сопричастности не возникает чудо единения, а лишь на чудо и откликается душа зрителя». Усмехнулась: «Не бог вещь какая свежая мысль».

День приближался к вечеру, темнело. Юзефа прилегла отдохнуть, а Люся, сосредоточенно нахмурившись, рассматривала попугаев, изображённых на шкафу. Всё казалось: они пытаются что-то подсказать ей.

«Надо уезжать, неудобно злоупотреблять гостеприимством».

Непонятно чем расстроенная, Люся, не глядя, бросала вещи в сумку, пока из раскрывшейся косметички не выпал матовый зелёный камень.

За окном что-то неуловимо изменилось: там, где прежде

виднелась тёмная стена леса, скапливался и клубится серо-голубой туман, розовели облака, освещённые закатным солнцем... «Наверно, таким рисовал космос Язеп, – подумала Люся, – жаль, не спросила, где можно увидеть его картины».

Зелёный камень начал слегка мерцать, Люся крепко сжала его в кулаке и вышла из дома.

Проснувшаяся Юзефа молча проводила гостью взглядом, во дворе захлёб залаял Малыш.

7.

– Нет! Не то! Не так!

Балетмейстер вскочил, в отчаянии ринулся показывать сам, и тут же остановился, почти шёпотом:

– Вы только представьте: голубое небо, солнце прячется в воду, трепещут розовые блики на воде, лебеди плывут... Настоящие, не балетные. И сердце сжимается: судьба...

Обернулся к сидящей на скамейке у зеркала немолодой хрупкой женщине:

– Люся, не знаешь, кто сказал: «Судьба – это счастливые совпадения»?

Люся пожала плечами, удивлённо глядя на бывшего мужа. «Как он всё-таки элегантен: обычная белая рубашка, но расстёгнутые, отогнутые манжеты, поднятый воротник создают впечатление не небрежности, а сценического костюма. Странно, что он помнит тот закат, не ожидала... Там, на озере, вместо кольца он подарил ей прозрачный золотисто-зелёный хризолит, сказал: в цвет глаз... Она положила камень в косметичку, надеясь когда-нибудь придумать для него оправу. Не сложилось. Сколько косметичек сменилось с тех пор... Хризолит перекачывал из одной в другую, пока однажды ночью, в маленькой деревушке не позвал её ...

8.

Вспоминая ту ночь, Люся многое не могла объяснить себе. Не знала, как оказалась сидящей на валуне в гуще стелющегося пепельно-голубого тумана. Зато хорошо помнила тепло, исходящее от камня, мерещившийся ей обрыв в бездну перед тёмно-синей

стеной леса, голубые облака на розовом небе и нестерпимое желание говорить, рассказывать о том, что казалось важным... Помнила, как удивилась этому желанию: никогда она не была разговорчивой. И как вздрогнула, когда, приглушённый туманом, раздался хриловатый низкий баритон:

– Твои руки, пластика тела заменяли слова. А сейчас тебе не хватает этого.

– Глупости, – буркнула Люся (она никому не позволяла вторгаться в свою жизнь) и всерьёз испугалась. – Я уже разговариваю сама с собой? Дожила...

– Успокойся, пока не дожила, – туман насмешливо хмыкнул.

– Тогда... Как там в сказках говорят: стань к лесу задом, ко мне передом... Нет, это про другое...

– Да уж, конечно, про другое – собеседник откровенно смеялся.

– Сейчас...

Облака разошлись и, освещённый последним лучом заходящего солнца, перед Люсей оказался Солор. Вернее, тот юноша из сна. С двумя попугаями и в чалме без зелёного камня. Спустя мгновение он превратился в мужчину в белом полотняном костюме, с тяжёлой тростью. Лица не разглядеть, только борода, нестриженные волосы... Мелькнуло: «Состарившийся Аполлон» – но засмеяться Люся не решилась.

– Вот, теперь и поговорим, по-родственному, – он тоже сел на валун, хотя всего минуту назад больших камней рядом не было.

– Вроде нет у меня подобных родственников, – Люся не собиралась сдаваться.

– Ну, почему... У тебя в семье ведь тоже была легенда об индийском радже.

– Когда мы успели перейти на «ты»?

– Почему – нет? Не придирайся к неважному. У нас мало времени.

– Откуда ты знаешь... Это была наша с мамой тайна, что-то вроде игры... Я никому никогда не рассказывала, – Люся усмехнулась, – журналистам тем более.

– Достаточно твоей восточной красоты и одержимости в работе.

– Одержимость – признак наличия факира в родословной?

Голубые облака сменились тёмными тучами, в просвет выглянула круглолицая луна, почему-то напомнившая Юзефу. Силуэт

собеседника задрожал, размылся, хотя голос остался прежним, бархатистым и чуть насмешливым:

– Попугаи узнали тебя, а ты – их.

– Не знаю, как я могла их узнать, если вчера вечером увидела первый раз в жизни, – Люся пожалала плечами и тут же поёжилась: сырость начинала заползать под блузку.

– Знаешь. Розовый попугай – судьба (помнишь, пели когда-то: «Нагадаю мне попугай счастье по билету»), голубой – время. Первого можно попытаться обмануть, второй значительно чаще обманывает нас... Холодно? – невидимый плед опустился на плечи.

– Ты не знаешь, что заставило тебя ехать сюда, на край света, а всё остальное – знаешь...

– Тогда расскажи: что заставило?

– Есть многое на свете, друг Горацио, – усмехнулся Язеп. – Есть зов памяти, зов судьбы. Его не каждый может услышать. Ты услышала. У тебя – дар. Сцена забирала его, но сторицей возвращала...

Это прозвучало непонятно, и Люся не нашлась, что ответить. Почему-то вдруг сказала:

– Юзефа любит тебя.

– Знаю. У неё тоже – дар, а Каролина передала ей свою любовь, – художник помолчал. – И ты передашь свою любовь...

– Кому?

– Это неважно. Людям...

Луна забежала за облако, силуэт мужчины медленно растворялся в тумане, и Люся не выдержала:

– Постой, Язеп, не уходи. Я же не рассказала...

– Не надо. Я знаю. А он – простит. Когда любят, прощают всё...

Сколько времени просидела она тогда у бездны, на краю света, Люся не помнила. А может, бездны и не было. И края света тоже. У каждого своя вселенная, со своими окраинами, краями. Ей позволили заглянуть в чужую...

Теперь она понимала: кто-то там, наверху, распорядился напомнить, что и у неё есть своя вселенная. А в тот миг она чувствовала, казалось, давно забытое внутреннее дрожание, волнение... Так рождался танец.

«Пусть ей уже не летать над сценой, это сделает кто-то другой,

но те чувства, которые переполняют, должны найти выход... Ещё один балет о любви, – Люся усмехнулась, предчувствуя скептицизм критиков, и сознавая: сейчас ей безразличны все балетные критики мира. – Получится или нет, но даже призрак Язеп прав: она услышала зов, и он не может быть напрасным».

«Да, сюжет вечный... Хотя при чём здесь сюжет? Балет о любви должен быть понятен без слов... О любви безбрежной, осторожной, безумной. Так любил когда-то Солор, её партнёр...

Ладно-ладно, Семён, Сеня... Потом он стал её мужем.

А любовь ушла...

Впрочем, зачем обманывать себя? Это она, Люся, не захотела удержать любовь. С возрастом сцена требовала всё больше сил, страсти, нежности, не позволяя оставлять что-то про запас. Сене хотелось ребёнка, обычных семейных радостей... Он пытался искать на стороне...

Она делала вид, что не знает. Они расставались, сходились, опять расставались ...

Когда оба ушли со сцены, показалось, ушло и то, что держало их вместе.

Бывший танцовщик стал очень неплохим балетмейстером. Вот только... не хватало в его работах полёта. Однажды признался: «У нынешних нет твоего огня в глазах, а я без этого не могу».

9.

Время безжалостно. Оно проходит как вездеход, оставляя в колеях памяти шипы или розы... Розы засыхают, шипы напоминают о сделанных ошибках, не гарантируя, что не будет новых.

Но если двое, когда-то расставшихся, снова вместе, значит, сумели сохранить то, что дороже амбиций и обид.

Люся осторожно прикоснулась к плечу постаревшего Солора:

– Сеня, позволь, я попробую...

Бывшая прима и молодые исполнители о чём-то долго шептались, до постановщика долетали слова:

– Не торопись, встала на носок и потяни мгновение, потяни, дослушай... Телом пропой... Ребята, доверьтесь себе.

И лишь когда исполнители наконец образовали единое целое,

растворяясь друг в друге, прозвучало долгожданное, скупое:

– Вот так. Запомните.

На премьере знатоки обсуждали классическую отточенность движений, виртуозные вариации, вращения, говорящие, поющие линии тела. Не знатоки восхищались тем, как в прыжке-шпагате вылетали из-за кулис друг за другом мужчина и женщина, соединённые судьбой. Как взволнованно, словно крылья птиц, взлетали их руки, как, на мгновение разойдясь, они искали друг друга взглядом... И даже время оказалось бессильно разъединить их.

– Сеня, ну пойдём, вызывают же.

– Сейчас, сейчас. Попросил костюмера принести, из Баядерки, помнишь...

– Выдумщик ты, обязательно что-то придумаешь.

На поклоны исполнители вывели на сцену улыбающегося маэстро в белом костюме с чалмой на голове и женщину с большими печальными глазами. На груди у неё переливался в свете софитов зелёный камень...

Раскланиваясь, они держались за руки. Впрочем, это уже деталь для любопытных... Как и то, что в ложе для почётных гостей аплодировала и вытирала слёзы Юзефа...

Мария КУПЧИНОВА.